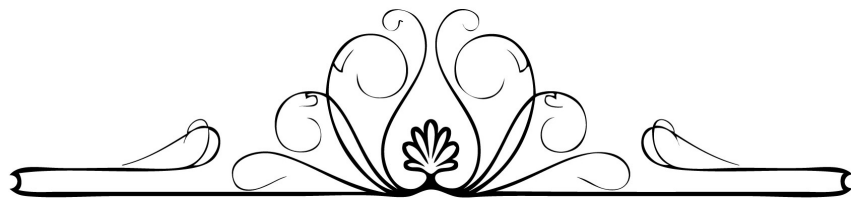

Борис Орехов
НИУ Высшая школа экономики

Рец. на: *Назирова Р. Г.*

О мифологии и литературе, или
Преодоление смерти. Статьи и
исследования разных лет. Уфа:
Уфимский полиграфкомбинат,
2010. — 408 с. — ISBN 978-5-
85051-515-7

Р. Г. Назиров незаслуженно мало известен в отечественном литературоведении. Возможно, это не настолько очевидно для достоевсковедения, специальной области, в которой его работы в целом известны: на них ссылаются, их цитируют. Не исключено также, что не так отчётливо видна малая известность Назирова в региональной литературоведческой среде, особенно в тех нестоличных университетах, которые имеют давние традиции научных контактов с Уфой: Самара, Екатеринбург, Магнитогорск, Ижевск. Можно прибавить также отдельных (крайне немногочисленных, как и всякие профессионалы высокого уровня) филологов широкого кругозора, знакомых с работами Назирова не в силу географических обстоятельств или специализации на творчестве Достоевского.

Однако эти локальные успехи не влияют на главное соображение: степень включённости трудов Назирова в научный оборот не соответствует масштабу его личности. По-настоящему оценить этого глубокого и своеобразного исследователя русской литературы ещё не удалось. Отчасти это связано с малой доступностью его работ, вышедших, главным образом, в провинциальных сборниках. Заботясь о том, чтобы наиболее важные его статьи были прочитаны, Назиров, как мы теперь знаем, специально посылал оттиски коллегам (см. публикацию дополнений к статье о Петербургской легенде в настоящем номере «Назирова архива»), что, впрочем, является принятой практикой, но в случае с Назировым дополненной удалённостью от столичной жизни.

Главной темой Назирова была история сюжетов. Первоначально она складывалась вокруг повествовательных текстов русской литературы, но постепенно углублялась и расширялась, захватывая в свою орбиту западноевропейскую традицию. В исследовании этой материи он закономерно пришел и к фольклорно-мифологическим истокам нарратива: мифу и ритуалу. Попыткой систематически представить его работы в этой области и стала рецензируемая книга, изданная посмертно. В неё вошли почти все статьи исследователя о мифологии и фольклоре¹. Конечно, книга не выполняет своей миссии ознакомления возможного читателя с текстами Назирова, потому что издана она всё же тиражом недостаточным даже для нашей бедной гуманитарной науки (300 экз.). Особенно явно эта недостаточность различима на фоне просветительского пафоса многих статей, вошедших в посмертный сборник. Стиль опубликованных текстов как бы взывает к широте аудитории, но в результате получается совсем иная прагматика. Винить в этом издателей, конечно, не стоит: наверняка они сделали что могли.

Книга состоит из трёх разделов, первый из которых, озаглавленный «Миф и литература», как раз включает в себя 21 исследование об архаических мотивах и их ритуальных истоках (далее мы будем говорить главным образом об этой части книги). Второй раздел под названием «Статьи о творчестве Ф. М. Достоевского» восполняет републикационные пробелы первого посмертного сборника Назирова², а третий, «Диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора филологических наук», полностью соответствует своему названию и воспроизводит текст

¹Исключение составляет найденная и опубликованная нами в сотрудничестве с М. С. Рыбиной работа «Подлинный смысл Поликрата перстня» («Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке». 2010. № 4. С. 147—149). К этому же циклу примыкают черновые наброски, публиковавшиеся нами в Назиров Р. Г. <Из архива учёного> // Русское слово в Республике Башкортостан: Материалы региональной научно-теоретической конференции / отв. ред. О. П. Касымова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. С. 210—217.

²Назиров Р. Г. Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет: Сборник статей. — Уфа: РИО БашГУ, 2005.

автореферата, представленного Назировым на защите.

Из 25 напечатанных в книге текстов только 4 ранее не были опубликованы, и вся четвёрка вошла в первый, фольклорно-мифологический, раздел. К сожалению, публикаторы (редактором книги значится Р. Х. Якубова, а в редакционную коллегию входят Д. Г. Назирова, С. А. Салова, Г. А. Ахметова, С. С. Шаулов, Э. А. Евтушенко) не дают никаких текстологических комментариев к этим статьям, так что невозможно понять, в какой степени готовности они находились, существовали ли авторские редакции, пометы, каким образом при подготовке к печати принимались решения относительно авторских исправлений, если таковые имелись в рукописях (машинописях?). По причине того же редакторского молчания мы ничего не можем сказать ни о предположительной датировке этих статей, ни о том, почему они в отличие от остальных 16-ти не увидели свет при жизни автора (ещё одна статья была опубликована посмертно в сборнике «Фольклор народов России» в 2006 году).

Оставив эти вопросы за их неразрешимостью, обратимся к содержанию. Основной корпус книги составили статьи, в которых автор, отталкиваясь от какого-то известного сюжета или мотива (например, воплотившегося в пушкинских строках о качающемся во тьме хрустальном гробе), прослеживает его архаические истоки, реконструируя его подчас осложнённый многообразными ответвлениями исторический путь. Для своего повествования Назиров привлекает фольклорные, этнографические, естественнонаучные свидетельства, апеллирует к философии, истории, психологии и другим дисциплинам, в целом добиваясь впечатляющих результатов. Так, исследование, связывающее сюжет о запертом горе и шаманские практики, оставляет цепкую ассоциацию с захватывающим детективом, вскрывающим неочевидные закономерности, в итоге служащие ключом к истине.

Риторически статьи построены как череда примеров и иллюстраций, как бы накапливающих неотвратимость выводов. Отчасти такой метод изложения напоминает труды А. Н. Веселовского, одного из научных маяков Назирова. Хотя на деле подразумеваемый кумулятивный эффект срабатывает не всегда, набор «кейсов» заменяет собой аргументацию. Так, обосновывая семантическую связь коня (конской головы) и огня, Назиров задаётся вопросом: «Почему Зевс сразил молнией Фаэтона, злополучного ездока солнечной колесницы? <...> Но ведь на колеснице не было при этом не было самого Солнца. Значит, в представлении греков губительный жар происходил от огнедышащих коней» (с. 25) Логическая аргументация для мифа всё-таки недостаточна, в других случаях сам Назиров приводит множество примеров мифологического переноса по смежности, который мог иметь место и здесь, из чего следовало бы, что кони в этом сюжете никак специально не связаны с жаром солнца.

В книге много сильных утверждений, в случае каждого из которых при всей их категоричности автор оставляет читателю простор для толкований, уместность которого в исследовательском труде довольно спорна. Приведём пару примеров: «золотые яблоки — это приманка любви» (с. 16, выделено в источнике). Контекст не даёт ясности в том, идёт ли речь об универсальной функции мотива золотых яблок в культуре или только лишь о частном случае мифа об охотнице Атланте. К тому же на стр. 18 Назиров резюмирует функции яблока в мифологических сюжетах следующим образом: «Итак, яблоко — плод любви и вечной юности (бессмертия)». Приманка и плод, пожалуй, если не противоположные одна другой функции, то, как минимум, не тождественные, и их уравнивание требовало бы комментария. На стр. 40 мы опять встречаемся с не вполне ожидаемым выводом: «Хитрость есть порождение охоты» (выделено в источнике). Теперь уже не у кого уточнить, считает ли исследователь любую хитрость вырастающей из охоты или речь только о хитрости уловления горя. Если вторая трактовка не вызывает возражений, то с первой едва ли

можно согласиться. И так далее.

Отдельно нужно отметить особенное внимание, которое уделяет Назиров местному для него этнокультурному колориту, по всей видимости, неподдельно его интересовавшему: через всю книгу проходят ссылки на те или иные башкирские сюжеты, реалии, обряды. На стр. 19 упоминается башкирская сказка «Храбрый мальчик», на стр. 28 башкирское поверье, касающееся лошадей, на стр. 201 башкирская сказка «Золотая птичка» (почему-то в сноске к этому месту буква башкирского алфавита «К» заменена на латинскую «k»).

Как и в случае с литературоведческими трудами, работая с фольклорно-мифологическим материалом, Назиров предстаёт прежде всего как историк, а не как теоретик. Поэтому особенно ценны те пассажи, где он проговаривает свою методологию, эксплицирует инструментальные соображения, обнажающие исследовательские стратегии, как, например, высказанная на стр. 20 мысль о том, что заменяемость артефакта в сюжетах говорит о выраженности в данном сюжете не основной функции этого артефакта.

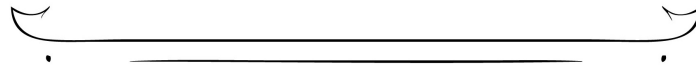
Спорить с ушедшим ученым дело неблагодарное, хотя и нужное с точки зрения истинности научного знания: не все положения в книге представлены доказательно. Возможно, это связано с первоначальным форматом текстов, позже собранных в этом томе, форматом статей в сборниках с заранее ограниченным объёмом. Так, на стр. 18 отвергается фрейдистская мотивировка одной из мифологических функций яблока: «Фрейд утверждал, что яблоко — эротический символ; оно символизирует женскую грудь. Это тоже наивное объяснение. Действительно, яблоко в культурной символике тесно связано с любовью и деторождением, но по иной причине». Однако ни из предыдущего, ни из последующего текста не ясно, на каком основании идея Фрейда лишается права на существование. В конце концов, возможна и двойная мотивировка функциональной нагрузки яблока, включающая в себя и фрейдистскую, и реконструированную Назировым материально-этнографическую.

Статья «Славянские легенды о зиждителях городов» самая лингвистическая в сборнике. Назиров несколько раз прибегает здесь к редкому для себя аргументу — этимологическому. К сожалению, не все историко-лингвистические догадки Назирова имеют под собой реалистическое основание. Если с мотивировкой происхождения названия Польши из *polska ziemia* 'земля полян', видимо, всё в порядке, то утверждение «корень “карк” представляет собой одно из возможных превращений корня “крак”» (с. 187) вряд ли справедливо (как раз наоборот, закрытый слог в **kark-* способен в южнославянских диалектах реализоваться как **krak-*, но сомнительно, что такие превращения могли происходить со звукоподражательным словом).

Но главные претензии к книге не концептуального плана, а редакторского и текстологического.

Вторая часть заглавия, «Преодоление смерти», объясняется в редакторском предисловии так: «В свое время Ромэном Гафановичем была задумана книга, в которой он хотел объединить статьи по мифологии под общим названием “Преодоление смерти”» (с. 5). Действительно, нам известны планы учёного собрать фольклорно-мифологические статьи под одной обложкой. В архиве есть несколько планов компоновки, и среди них развернутые, явным образом представляющие поздние этапы работы над замыслом книги³. Хронологический порядок статей в «О мифологии и литературе» ни одному из этих авторских замыслов не соответствует. Кроме того, заметок, предлагающих название «Преодоление смерти» нам неизвестно. Зато один из планов возможной книги снабжён другим вариантом заглавия: «Превращения сюжетов», что, кстати, значительно точнее отражает содержание статей первого раздела.

³См. подробнее в Назиров Р. Г. <Из архива учёного> // Русское слово в Республике Башкортостан: Материалы региональной научно-теоретической конференции / отв. ред. О. П. Касымова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. С. 210—217.

Однако даже если бы редакторы и были правы, то чуть менее, чем наполовину, книга не соответствует своему названию. Предположим, что «Преодоление смерти» — это авторское заглавие для статей о мифологии и фольклоре, но второй и третий раздел не связаны с ним даже ассоциативно. Хотя мы и знаем, что одна из последних исследовательских работ Назирова (в книге отсутствующая) была посвящена Достоевскому и проблеме смерти, подбор статей, дополняющих основной раздел, выглядит случайным. Ничто концептуальное не мешало поместить их в приложение. Аналогичен и статус автореферата докторской работы.

Как видно из наших кратких заметок, при подготовке книги почти полному забвению были приданы многие принципы традиционной текстологии. Но мы отказываемся верить, что такой подход к публикации был продиктован некомпетентностью издателей. Мы видим в этом не черты непрофессионализма, а понятное в данном случае отношение к наследию коллеги. Вероятно, редакторами тома оно воспринимается не филологически, а, так сказать, «утилитарно» — как собрание текстов-носителей некоторых исследовательских приёмов, догадок и идей, которые было бы полезно донести до специалистов и младшего поколения филологов. Первые, возможно, смогут учесть их в своей работе, а вторые — чему-то научиться. Однако нами такой подход разделён быть не может. Не потому что мы отрицаем ценность прозрений Назирова. Вовсе наоборот, нам они кажутся крайне важными и перспективными для многих областей гуманитарного знания, не ограничивающихся собственно литературоведением. Однако мы считаем, что тексты Назирова представляют не только интеллектуальную, но и культурную ценность, и с ними нужно обращаться соответственно.

